

— Третий молодой господин семьи Се по-прежнему отвратительно относится к приемышу, которого привела мачеха, — человек в черном привычно попытался сгладить углы. — Третий молодой господин, вы, наверное, просто устали.

[Шу Яо любит другого.]

Кто именно этот другой, Хуа Цзянь тоже не знал: когда он читал эту книгу, там вечно метались между несколькими кандидатами.

Лицо Се Чжияня посинело. Он знал, что телохранитель не лжет, потому что только что снова услышал эту фразу, но губы Хуа Цзяня при этом даже не шевельнулись.

Неужели он и правда слишком устал? Дошло до слуховых галлюцинаций?

И главное, о том, что он любит Шу Яо, не знал никто — откуда Хуа Цзянь вообще об этом узнал?

И еще, еще... Больше всего его волновало: кого, черт возьми, любит Шу Яо?!

Начал говорить и бросил на полуслове, мать твою! При первой же возможности он непременно задаст этому ублюдку Хуа Цзяню хорошую взбучку!

Семья Се занимала весомое положение в Пекине, где богатые кланы буквально на каждом шагу.

Старший в семье Се, Се Чжихуэй — восходящая звезда делового мира. После окончания университета он занял пост председателя совета директоров семьи Се, и под его руководством рыночная стоимость семейного бизнеса выросла на десятки миллиардов.

Второй, Се Чжитань, только что отпраздновал свое двадцатичетырехлетие, а уже является профессором Пекинского университета.

И лишь этот третий, Се Чжиянь, ровесник Хуа Цзяня, был сущим оторвой и отъявленным хулиганом.

Окончив старшую школу, он вздумал во что бы то ни стало собрать с друзьями музыкальную группу и каждый год спускал на них десятки миллионов юаней.

Мать Хуа Цзяня, госпожа Хуа, вышла замуж в семью Се, когда Се Чжияню было восемь лет — в самый невыносимый возраст, когда ребенок доставляет хлопот больше, чем стая собак.

Оригинальный владелец тела немало натерпелся от его выходнок, однако по своей природе Се Чжиянь не был злым: все его заскоки по отношению к Хуа Цзяню сводились к детским, несерьезным пакостям.

Вот только до тех пор, пока Се Чжиянь не влюбился в Шу Яо. После этого на всю семью Се словно пала проклятая печать несчастий на восемнадцать поколений вперед.

[Ну и невезучий же парень этот Се Чжиянь.]

У Се Чжияня резко запульсировало в висках. Он поджал губы и поднял взгляд на переднее сиденье: водитель и телохранитель не проявляли ни малейших эмоций — наверняка опять галлюцинации.

Он глубоко вздохнул и молча отодвинулся от Хуа Цзяня чуть дальше.

К счастью, оставшуюся часть пути Се Чжиянь больше не слышал никаких бредовых голосов.

Едва машина остановилась у особняка семьи Се, Се Чжиянь стремглав выскочил из нее и бросился внутрь.

А Хуа Цзянь без очков видел всё вокруг лишь смутным, расплывчатым маревом.

Он шел очень медленно, и когда с большим трудом добрался до второго этажа, за спиной раздался насмешливый голос:

— Вспомнил всё-таки дорогу домой? Разве в прошлый раз ты не гордо заявлял, что больше никогда не вернешься в этот дом?

Женский голос звучал чарующе, но холодно.

Это была мать Хуа Цзяня — госпожа Хуа.

— Мам.

Послушный голос мальчика заставил гнев в груди госпожи Хуа на мгновение утихнуть.

Стоявший перед ней мальчик еще не до конца высушил волосы — они безжизненно прилибли ко лбу, а глаза, лишённые преграды в виде очков, были слегка прищурены. Если приглядеться, в его чертах угадывалось некоторое сходство с ней самой.

Госпожа Хуа поджала губы:

— Сколько раз тебе повторять: носи очки нормально! На кого ты похож с таким видом?

— Оу.

[В первоисточнике из-за смерти Хуа Цзяня госпожа Хуа сошла с ума, ццц!]

Госпожа Хуа замерла:

— Что ты мелешь?!

Смерть Хуа Цзяня? Почему он говорит такое о самом себе?

Хуа Цзянь озадаченно посмотрел на нее.

[Так сильно любит сына, но совершенно не умеет этого показать. Какая жалость.]

Лицо госпожи Хуа резко изменилось, она невольно отшатнулась назад и, если бы не ухватилась за перила, наверняка упала бы.

В расплывчатом поле зрения Хуа Цзяня было заметно лишь то, что госпожа Хуа качнулась. Он вежливо произнес:

— Мам, я пойду в спальню возьму очки.

Не заметив странного выражения на лице госпожи Хуа, он развернулся и ушел.

Лишь снова надев запасные очки, хранившиеся в спальне прежнего хозяина, Хуа Цзянь облегченно выдохнул.

Каково же это — быть слепым! Жуткое ощущение!

Вернув себе способность видеть, он повернулся и принялся осматривать комнату.

Двухспальная кровать шириной в два метра, большой книжный шкаф, просторная вешалка для одежды.

Помимо книг, наполовину заполнивших полки, в шкафу стояли коллекционные фигурки, причем некоторые — редких лимитированных изданий.

Одежда на вешалках тоже сплошь от брендовых марок, иное пальто стоило по несколько десятков тысяч юаней.

Судя по всему, жизнь Хуа Цзяня в семье Се была вполне неплохой.

Вот только непонятно, с какой стати он вдруг съехал и стал жить отдельно?

— Молодой господин Хуа, госпожа просит вас спуститься вниз.

Хуа Цзянь обернулся и бросил:

— Понял, сейчас спущусь.

Госпожа Хуа сидела в гостиной в полном молчании, сжав в руке чашку с кофе, к которой долго не притрагивалась.

— Мам!

Голос Хуа Цзяня заставил госпожу Хуа вздрогнуть, едва не пролив кофе на себя.

Она автоматически принялась отчитывать:

— Куда так орать? Куда делись манеры, которым тебя учил преподаватель этикета?

Хуа Цзянь изогнул бровь, глядя на нее, и от этого взгляда госпожа Хуа смущенно опустила глаза.

В молодости она родила ребенка вне брака и несколько лет хлебнула лиха.

Ей с большим трудом посчастливилось встретить нынешнего мужа, который не попрекнул ее наличием сына и позволил привести Хуа Цзяня в семью Се, чтобы воспитывать его вместе.

Все эти годы она дрожала от каждого вздоха, боясь, что Хуа Цзянь вызовет недовольствие отца и сына из семьи Се.

— Прости, я крикнул слишком громко.

Хуа Цзянь извинился первым, и госпожа Хуа снова изумленно уставилась на него.

Она с подозрением оглядела сына:

— Что с тобой?

[Я устал.]

Уголки рта госпожи Хуа дернулись:

— Садись, поговорим.

— Хорошо.

Мать и сын сидели друг напротив друга в тягостном молчании.

— Ты согласился вернуться домой — неужели одумался? Как мужчина может сходитьсь с другим мужчиной? Мужчина должен любить женщину. Если ты пообещаешь маме больше не путаться с мужиками, мама вернет тебе твою карту.

Хуа Цзянь припомнил кое-какие детали сюжета: в оригинале Хуа Цзянь был персонажем на заднем плане, но о нем пару раз упоминалось.

Этот второстепенный персонаж ради завоевания Фэн Цяня совершил каминг-аут перед матерью, но разъяренная женщина выгнала его из дома.

Позже эта история стала поводом для насмешек у многих.

— Ты слышал, что говорит мама?

— Услышал, мам. Я не люблю мужчин.

Госпожа Хуа еще не успела улыбнуться, как услышала мысли Хуа Цзяня: [Хуа Цзянь — гей, но...]

Бц-ы-ынь!

Не успел Хуа Цзянь додумать мысль, как от звука чуть не подпрыгнул.

Подняв голову, он как раз вовремя увидел, как госпожа Хуа с дрожащим пальцем воздела руку вверх и ткнула в его сторону:

— Ты хорошему научиться не можешь, зато врать наострился! Хуа Цзянь, ты совсем рехнулся, а? Ты ради какого-то мужика решил соврать собственной матери?! Я растила тебя столько лет, лучше бы собаку вырастила! А ну вон отсюда! И чтобы больше не смел называть себя моим сыном!

Вот так ни в чем не повинный Хуа Цзянь снова оказался выставлен за дверь семьи Се.

— И когда это я соврал? Я вообще-то гетеросексуал, и уж точно никогда не смог бы полюбить

мужчину! Как она может не верить собственному сыну?

Хуа Цзянь тяжело вздохнул и опустил плечи.

Находясь в спальне, он проверял мобильные приложения банков на телефоне прежнего владельца и обнаружил, что два месяца назад на одну из карт стабильно каждый месяц поступало по сто тысяч карманных денег.

Это, должно быть, та самая карта, о которой только что говорила госпожа Хуа?

— Эх, какое же колоссальное состояние я упустил! — с досадой протянул Хуа Цзянь.

Прежний владелец ради подарка ко дню рождения Фэн Цяня потратил все свои долго копившиеся карманные деньги.

Теперь же на счете, можно сказать, не осталось ни цзяо.

Дзынь!

Он опустил взгляд на экран: пришло смс-сообщение.

Консультант бренда Н на улице Баонин: [Господин Хуа, изготовленные на заказ часы прибыли. Вы заберете их сегодня?]

Часы? Сердце Хуа Цзяня дрогнуло, и он тут же ответил: [Буду через минуту.]

В это время суток магазины на улице Баонин только открывались.

Когда Хуа Цзянь прибыл на место, в бутике бренда Н уже играла тихая музыка. Он остановился у входа, осматриваясь, как вдруг услышал нежный голос, окликнувший его:

— Господин Хуа, вы пришли.

К нему навстречу шагнула яркая и уверенная в себе девушка.

Подойдя ближе, Хуа Цзянь бросил мимолетный взгляд на ее грудь — на именном бейдже было выведено: Элла.

— Элла, привет. Где мои часы?

Элла отлично запомнила этого щедрого мужчину: когда он пришел в прошлый месяц, на нем не было ни единой брендовой вещи, а прическа выглядела откровенно нелепо.

Длинноватая челка закрывала черную оправу очков, скрывая истинное лицо, к тому же он сутулился и держался крайне зажато.

Проработав консультантом несколько лет, Элла всегда настраивала себя не встречать по одежке, но тогда, увидев его, сразу поняла: купить ему здесь явно нечего.

Однако к ее величайшему удивлению, господин Хуа, едва взглянув на пару моделей, тут же вытащил карту, списал миллион юаней и оформил заказ на мужские часы.

— Элла?

Девушка тут же очнулась от воспоминаний и поспешно произнесла:

— Пожалуйста, пройдемте сюда.

Идя впереди, она невольно удивилась: неужели в прошлую встречу господин Хуа был таким высоким?

Эти часы «Хуа Цзянь» заказал в подарок Фэн Цяню. Желая подчеркнуть значимость презента, он велел выгравировать на задней крышке английские инициалы: [FQ].

Кончик пальца Хуа Цзяня легко коснулся царапин на металле, и он мысленно вздохнул.

Жаль было и то, что из-за этой гравировки часы теперь трудно продать кому-то другому, и то, что наивные чувства прежнего владельца оказались растоптаны.

— Господин Хуа?

— Мм, ничего страшного.

Хуа Цзянь положил часы обратно и между делом спросил:

— Кстати, если я захочу перепродать эти часы вам, вы примете их обратно?

Элла растерянно моргнула:

— Вы недовольны часами? Разве вы не говорили, что дарите их очень важному человеку и что вам нужно получить их как можно быстрее? Ради этого вы даже доплатили больше ста тысяч за срочную доставку из другого магазина.

Хуа Цзянь с досадой в голосе ответил:

— Хотел подарить любимому человеку, но он меня уже прямо отверг. Негоже мне больше докучать ему, а оставлять их у себя, только чтобы терзаться воспоминаниями...

Бо Линь только что вошел в бутик, когда услышал эти слова. Он медленно поднял голову.

[Если источник карманных денег перекрыли, неужели придется идти на панель?]

[При таком хилом телосложении какая же богатая мадам на него позарится?]

Выражение лица Бо Линя похолодело. Этот знакомый нагловатый голос — вчерашний мужик!

Глава 3. Вчерашний мужик, верни мне мою девственность!

В этот день ему предстояло вести технологическую презентацию, но прямо перед началом он обнаружил, что часы пропали.

Цзян Кай позвонил в отель Хайпин, но на поиски и пересылку потребовалось бы время.

Само мероприятие проходило на верхнем этаже отеля Баонин, поэтому Бо Линь лично заглянул на улицу Баонин, чтобы подобрать временную замену.

И надо же было снова столкнуться с этим типом!

Весь утренний час Бо Линь старался изо всех сил сдерживаться, опасаясь, что подчиненные заметят какую-то странность в его походке.

А теперь, услышав этот голос, он почувствовал, как в определенном месте за спиной начинает неприятно покалывать.

— Господин Бо, прошу сюда, здесь представлены все новейшие коллекции. Надеюсь, что-то сможет привлечь ваше внимание.

— Угу.

Раз управляющий бутика лично встречал гостя, это определенно был VIP-клиент. Элла машинально приглушила голос и нежно произнесла:

— Господин Хуа, сочетание цветов на ремешке этих часов действительно великолепное, модель лимитированная, коллекционная, к тому же с гравировкой на задней крышке — такие будет трудно перепродать.

Тот, кто может позволить себе часы за миллион, разве станет покупать чужие с чужими инициалами да еще и с гравировкой?

Хуа Цзянь и сам это прекрасно понимал, просто попытался испытать удачу.

— Понятно, спасибо тебе, Элла. Впрочем, пусть эти часы пока полежат у вас на витрине, ладно?

— Это...

Управляющий, услужливо помогавшая Бо Линю примерить часы, краем глаза заметила, что взгляд Бо Линя пару раз скользнул в сторону Эллы.

В ее голове мгновенно созрел план, и она поспешила подойти к подчиненной, чтобы выяснить, в чем дело.

Бо Линь стоял вполоборота к Хуа Цзяню. Последний бросил на него ленивый взгляд и отметил про себя, что покупатель — рослый парень ростом за метр восемьдесят пять, с красивым, холодным и высокомерным лицом топ-менеджера.

В его глазах мелькнуло восхищение, но он тут же отвел взгляд.

Хуа Цзянь, будучи натуралом, ценил исключительно мощную мускулатуру и суровые, мужественные черты лица.

[А у этого парня мышцы мелковаты, талия тонковата, зато задница ничего так — упругая донельзя. Прямо как у того вчерашнего мужика...]

Управляющий, только что выслушавшая суть дела и собиравшаяся что-то сказать, вдруг оглушительно зашлась кашлем.

Хуа Цзянь закашлялся так сильно, что лицо его покраснело.

Лицо Бо Линя покраснело еще сильнее, но исключительно от гнева!

В его глазах плескалась ярость, когда он холодно уставился на этого бесстыдного ублюдка, который даже кашлял не переставая.

Он посмел мысленно домогаться его!

[Вчерашний мужик, верни мне мою невинность!]

Бо Линь яростно провел языком по небу и в упор уставился на этого зарвавшегося наглеца.

Получил выгоду, да еще и строит из себя оскорбленную невинность — подумаешь, велика невидаль, кто тут не девственник!

— Управляющий!

Гнев Бо Линя достиг предела, и женщина тут же оставила Хуа Цзяня в покое, поспешив к важному гостю.

— Господин Бо, тысяча извинений за невнимание! Нашли ли вы что-нибудь по душе среди представленных моделей?

Бо Линь глубоко вздохнул и холодно бросил:

— Заверните мне эту.

Управляющий опустила глаза и увидела самую обычную базовую модель. Она уже собиралась отговорить клиента, но, заметив его помрачневшее лицо, благоразумно промолчала.

Хуа Цзянь вообще не обратил внимания на то, когда именно ушел тот высокомерный босс.

подавившись собственной слюной, он с трудом откашлялся.

Изнуренный происходящим, он махнул Элле рукой:

— Прости, я пойду. Оставь часы у себя, если получится — продай, а если совсем никак, я зайду за ними позже.

Покинув улицу Баонин, Хуа Цзянь нашел поблизости недорогую забегаловку перекусить.

Большая порция лапши обошлась ему в 68 юаней — от таких цен в Пекине у него сердце кровью обливалось.

Контраст между миллионом и шестьюдесятью восемью юанями вызывал у Хуа Цзяня дикий диссонанс.

Даже если его не прикончат псевдо-братья и многочисленные поклонники, с такими трехзначными цифрами на счету он рисковал попросту помереть с голодухи где-нибудь на углу.

Прежний владелец жил на всем готовом: учеба давалась ему тяжело, но госпожа Хуа не

жалела денег на его занятия живописью.

Самого «Хуа Цзяня» нельзя было назвать бесталанным — он честно сдал экзамены и поступил на художественный факультет Пекинского университета.

— Придется возвращаться к старой профессии, — пробормотал про себя Хуа Цзянь.

Сидя в лапшичной, он листал телефон прежнего владельца — нет, теперь уже его собственный.

В WeChat было немало чатов со скучными, лаконичными названиями.

Снизу краснело множество меток непрочитанных сообщений, которые Хуа Цзянь терпеть не мог.

Набравшись терпения, он щелкал по каждому по очереди, пока не наткнулся на контакт с подписью: [Староста Цянь].

Глаза Хуа Цзяня заблестели. Сообщение было отправлено два дня назад — тогда прежний владелец был всецело поглощен поисками подарка для Фэн Цяня и даже не заглядывал в мессенджер.

Он тут же напечатал ответ:

Староста Цянь ответил очень быстро:

Жилой массив Лучуань находился далеко от центра Пекина.

Такси обошлось Хуа Цзяню больше чем в сотню юаней. Если это собеседование на роль репетитора провалится, ему неизбежно придется возвращаться к матери — падать в ноги и вымаливать прощение.

— Младший товарищ!

Едва выбравшись из такси, Хуа Цзянь услышал радостный мужской оклик.

Подняв голову, он скривил лицо в весьма странной гримасе.

Потому что этот самый староста Цянь был одет и причесан точно так же, как сам Хуа Цзянь.

Мешковатая худы с капюшоном, закрывающая глаза челка, черная оправа очков — за

исключением того, что староста был заметно ниже ростом, их стиль и манера одеваться совпадали на сто процентов.

Хуа Цзянь прозрел: так вот что имелось в виду под этим стилем?

Оценив внешний вид Хуа Цзяня, староста Цянь остался крайне доволен.

— Отлично! Моя ученица наверняка будет в восторге от такого учителя.

Он хлопнул Хуа Цзяня по плечу и с улыбкой произнес:

— Постарайся проявить себя с лучшей стороны. Родители этой девочки платят за репетиторство очень щедро, и если бы не необходимость срочно уезжать за границу, я ни за что не упустил бы такое место.

— Спасибо, староста.

— Не за что.

Староста Цянь оказался на редкость общительным и всю дорогу до дома ученицы рассказывал о ней.

Девочке было шесть лет, возраст как раз для школы, но по определенным причинам она не посещала учебное заведение и занималась с репетиторами на дому.

У нее было много преподавателей по самым разным предметам, и рисование — лишь один из них.

— Я уже обрисовал твою ситуацию родителям девочки, показал твое образование и даже твои картины — они остались очень довольны.

— Занятия два раза в неделю: по пятницам с двух до трех дня и по субботам с половины десятого до одиннадцати утра.

— Девочку зовут Ци Фаньлин. Она не любит разговаривать и терпеть не может, когда учителя болтают лишнее. Воспринимай ее как обычную ученицу: пришел вовремя, отпровождал урок — и свободен. Ни в коем случае не пытайся набиваться ей в друзья.

Староста Цянь говорил без утайки, и Хуа Цзянь лишь усердно кивал.

— Сначала я отведу тебя к управляющей.

Особняк семьи Ци располагался в самой глуши жилого массива Лучуань, в живописном месте у подножия холма и рядом с водой. Едва они вошли на территорию, до них донесся тихий журчащий звук.

Фонтан, качели, альпийская горка, миниатюрный садик, детский замок из песка — каждая деталь свидетельствовала о том, какое огромное значение хозяева придают комфорту ребенка.

Управляющая, выйдя встретить гостя, осталась очень довольна внешним видом Хуа Цзяня.

— Раз уж барышня сейчас не спит, давайте я сразу провожу господина Хуа к ней.

— Беспокою вас, управляющий Чэнь.

Ци Фаньлин находилась на третьем этаже, в просторном классе для занятий хореографией. Там дежурили две учительницы в балетных пачках, а посреди комнаты кружилась фарфоровая куколка-девочка.

Они подошли как раз в тот момент, когда балетный урок подошел к концу, и взгляды Хуа Цзяня и маленькой девочки случайно пересеклись.

Впрочем, не успел он задержать взгляд, как девочка молча опустила голову.

Хуа Цзянь на мгновение замер.

— Барышня Фаньлин, помнишь? Учитель уезжает учиться за границу, а этот молодой человек, учитель Хуа, со завтрашнего дня будет вести у тебя уроки рисования. Тебе ведь нравится?

Староста Цянь говорил ласковым, убаюкивающим тоном. Когда он наклонился ближе, девочка испуганно сжала пальчики в кулачки.

Хуа Цзянь подумал про себя: [Чего это этот старый хрыч староста лезет к прелестной малышке так близко?]

Опущенные ресницы Ци Фаньлин дрогнули. Что это она только что услышала?

Голос был совершенно незнакомым, и ей стало любопытно — она чуть приподняла голову, разглядывая единственного незнакомого мужчину.

Староста Цянь, привыкший к ее настороженности, бросил на Хуа Цзяня многозначительный взгляд.

Ци Фаньлин только начала удивляться тому, куда исчез странный голос, как незнакомый мужчина присел на корточки и склонил голову набок, пытаясь заглянуть ей в лицо снизу.

Сердечко Ци Фаньлин испуганно затрепетало, ресницы задрожали.

Хуа Цзянь произнес:

— Здравствуй, барышня Фаньлин, меня зовут Хуа Цзянь, можешь звать меня учителем Хуа.

[Почему малышка боится посмотреть на меня?]

Ци Фаньлин окончательно убедилась, что этот странный голос исходил от мужчины.

Любопытство пересилило страх. Она робко подняла глаза и, нервно сглотнув, тихо пролепетала:

— Учитель Хуа, здравствуйте.

Управляющий Чэнь замерла от удивления: ее барышня впервые заговорила при встрече с незнакомцем!

[Ууу, какая милашка, так бы и потискал!]

Ци Фаньлин смущенно потупилась. Надо же, этот учитель Хуа умудряется говорить, даже не открывая рта! Как забавно!

Неужели он инопланетянин?

Староста Цянь слегка позавидовал тому, как легко Ци Фаньлин пошла на контакт с Хуа Цзянем, но тут же подумал, что так даже лучше.

Вскоре он с чувством глубокого облегчения произнес:

— Как замечательно, что барышне Фаньлин приглянулся учитель Хуа!

На этом собеседование подошло к концу.

Хуа Цзянь молча отвел взгляд, заметив, как управляющий Чэнь передает старосте Цяню увесистый красный конверт.

— Учитель Хуа, поскольку вы еще не знакомы с программой барышни, пожалуйста, завтра утром к девяти часам приезжайте в особняк. Сначала вы проведете пробный урок, и мы

оплатим его по стандартной ставке.

Хуа Цзянь тут же собрался с мыслями и бодро ответил, что согласен.

Вскоре управляющий Чэнь записала его номер телефона и добавила в WeChat.

Завтра же появятся деньги — Хуа Цзянь был более чем доволен.

Тем временем Бо Линь, только что завершивший выступление на конференции, принял видеовызов.

Он потер переносицу, увидев имя звонящего, и взгляд его мгновенно потеплел.

— Малышка Фаньлин, почему это ты вдруг решила позвонить дяде по видеосвязи?

— Дядя, сегодня к нам приходил новый учитель, он — инопланетянин! — нетерпеливо поделилась Ци Фаньлин. — Он говорит, а рот совсем не открывает!

<http://bllate.org/book/21819/2258956>